

Ответственность перед будущим, которого нет

Responsibility to the absente future

Железнов Андрей Сергеевич,

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии
ФБГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»*

Екатеринбург, Россия

andrey.zheleznov@live.ru

Аннотация

В данной статье ставится вопрос о том, как можно испытывать ответственность перед будущим, которого нет, которое принципиально недоступно и внеположно и нашему опыту, и нашему разуму. Вместо этого, образ действительного отношения к будущему мы находим в понятии веры: вера представляет собой доверие к будущему, оценку самой возможности неизвестного будущего в качестве блага. Эта вера и является своеобразным императивом будущего, предписывающим практику или «обязывающим» к определенной практике. Однако, она не дает эталон для сверки своих поступков с ним, но скорее представляет собой модус существования, задает смысл и направленность действий.

Abstract

We ask how it is possible to be responsible for the future. The concept of the future, which means the time as openness, involves fundamental unavailable future to essence or reason. Possibility of relation to the future we find in the faith, where the faith is a kind of ethical imperative, because it prescribes to find opportunities for moral action. It does not provide a reference for verification of your acts with hit. Rather, faith is a mode of existence, it sets the point and the course of action.

Ключевые слова: Будущее, ответственность, императив, вера.

Key word: Future, responsibility, imperative, faith

Разговоры об ответственности перед будущим привычны для нас. Мы можем волноваться за будущее планеты Земля, за будущее человечества или, наконец, за будущее своих детей. В каждом из этих случаев привычно подчинять свои действия угрозам или целям,

которые как бы диктует нам тот или иной сценарий будущего. Однако, в самой этой речи об ответственности за будущее или перед будущим есть проблема: будущего строго говоря не существует. Его нет, как нет и его форм. Как же можно быть ответственным перед тем чего нет? Для того, чтобы ответить на этот вопрос сначала немного утоним почему вообще мы видим в будущем проблему. В истории философии мы можем обнаружить несколько парадигм отношения к будущему. Эти варианты чаще всего связаны с концепцией времени, мы же, однако, здесь не имеем возможности глубоко погружаться в вопросы концепции, но постараемся выделить только отношение к будущему, не задаваясь вопросом о его философских основаниях.

Самый простой, находящийся ближе всего к здравому смыслу, вариант отношения к будущему, вариант – это расчет. Расчет рассматривает будущее в качестве продолжения прошлого и настоящего и предполагает ограниченную (а иногда и безграничную) возможность предсказывать будущее. Суть расчета заключается в том, чтобы допускать возможность прояснения будущего, просчитывать варианты будущего и исходя из этого принимать решения в настоящем. Но таким образом, можно сказать, что расчет не имеет отношения к действительному будущему, к будущему в смысле открытости или события. Даже напротив, расчет представляет собой попытку избежать это будущее, скрыться от него.

Тут нужно сразу оговориться о том, что не следует сводить к расчету любую практическую проективную деятельность. Проект будущего может отличаться от его предсказания, если мы представим проект в качестве «действия воли» утверждения о будущем, основанном не столько на анализе настоящего и возможностей, сколько на самой воле. При этом, понятно, что мы оперируем сейчас абстракциями и как раз таки практический расчет обычно в той или иной мере содержит несколько аспектов: и попытку экстраполировать прошлый опыт на будущее, и допущение неизвестности и проецирование собственной спонтанной воли.

Выход за пределы парадигмы расчета связывается с осознанием реальности будущего в качестве открытости, абсолютно неопределимого предела настоящего. Концепция будущего, подразумевающая время в качестве открытости или события, предполагает принципиальную невозможность никакого расчета. Причем речь идет не только о невозможности расчета в смысле экстраполяции прошлого опыта, но и о невозможности расчета в смысле «оценки рисков». Риск будущего всегда оказывается слишком большим – будущее гарантирует конечность (смерть) каждого индивида. Этот риск делает любой расчет малоразумным. Собственно, неслучайно поэтому первой реакцией философствующего субъекта, приучившегося к разумности и рациональной доступности мироустройства становится ужас (в «Бытие и время» Хайдеггера) или экзистенциальный страх (у Сартра).

Однако, как нам кажется, эта острота переживания будущего в большей степени задана прошлой интеллектуальной привычкой к существованию в разумном мире, истинные основания которого как будто могут быть познаны, нежели действительной ужасностью будущего. Собственно говоря, ужас как таковой и не является отношением к будущему в строгом смысле: он скорее представляет собой «эффект» (или «аффект?»), поверхностное состояние, которое не может длиться и повторяться, но которое требует того, чтобы вылиться в нечто более существенное – в отношение или установку, которую можно повторять, воспроизводить. Ужас, и это отчасти видно в случае с неприятием экзистенциализма Хайдеггером, требует того, чтобы быть пережитым, быть переработанным. И обыденность *das Man* оказывается закономерным или необходимым следствием ужаса – забвение будущего (и возврат в плоскость расчета) является одним из способов отношения к будущему, следующим из ужаса.

Но возможен ли иной выход из ужаса встречи с будущим? Выход, который бы не уводил нас в забвение бытия и не предлагал бы «ужас без конца»? Такой вариант отношения к будущему, который сохраняет, с одной стороны будущность будущего, с другой может повторяться, быть отношением, стратегией, а не просто аффектом? Такое отношение к будущему мы обнаруживаем в вере, описанной с точки зрения, которую мы встречаем у Кьеркегора. Вера в понимании Кьеркегора является последовательной ступенькой, следующей за экзистенциальным отчаянием или скептицизмом. Полностью принимая положение о том, что "надеяться нам не на что", верующий (или «рыцарь веры») не просто продолжает действовать так, как будто надежда не утеряна, но он верит в чудо и соотнобразует свои действия с ним. "Рыцарь веры" не просто отчаянный идеалист, не желающий предавать собственные идеалы даже перед лицом очевидности, он "верит", т.е. силой абсурда допускает достижения желаемого.

В концепции Кьеркегора следует подчеркнуть и еще один принципиальный момент. Вера здесь показывается не только в качестве выхода из тупика экзистенциальной тоски, являясь своеобразным инструментом спасения от тоски. Центральный для «Страха и трепета» анализ истории о жертвоприношении Исаака на самом-то деле не связан с преодолением Авраамом ужаса перед волей Бога. История жертвоприношения показывает реальность веры в том, как индивид отдает себя в руки Бога (или доверяется открытости бытия). Слова Авраама о том, что "Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой" именно об этом: Авраам вверяет себя Богу. Авраам приносит жертву не потому, что желает ее чудесного результата, но только потому, что он готов принять любой результат и верит в то, что это результат будет хорош.

Эту линию анализа веры продолжит Деррида, еще более явно подчеркивая амбивалентный характер веры. [5] По сути, вера не может рассчитывать даже и на чудесный исход: любая уверенность противопоказана вере. Тот особенный «расчет на чудо», который мы находим в вере – это не расчет на конкретный исход, и тем более не расчет на желательный исход. Но это расчет на то, что «все равно будет хорошо, даже если еще не понятно как». И слова Авраама о том, что «Господь выберет себе агнца» имеют именно этот смысл: Авраам хочет надеяться, но он не смеет надеяться; он не обещает, что все будет хорошо, не обещает, что все будет плохо, но он просто держится за веру в то, что «Господь все решит правильно». Вера здесь в чистом виде раскрывается как отношение к неопределенному будущему. Она не полагается на конкретный чудесный исход (который возможен силой абсурда), но желает просто будущего как такового, которое сможет «превзойти желаемое», реализовать что-то лучшее, чем то, что желает индивид сейчас. Действие веры включает в себя смирение перед будущим, но это не смирение готового страдать, это смирение верующего в то, что неожиданное будущее важнее и лучше, актуального настоящего, его выраженности в свойствах субъект, отношениях и желаниях.

Таким образом, вера представляет собой такое отношение к будущему, которое, с одной стороны, предполагает будущее именно как неизвестное будущее, а с другой, предполагает "одобрение" этого будущего безотносительно его содержания, только за то, что оно само по себе и есть будущее. В своей религиозной (христианской) трактовке вера раскрывается как момент безумия, абсурда – смирение перед неизвестным и даже принятие долга перед неизвестным. Причем это принятие часто дается как смирение, т.е. принятие того, что неприятно или обидно с точки зрения наличной индивидуальности. Представляя собой одобрение будущему только за то, что оно есть будущее и несмотря на вызываемый им ужас, вера, таким образом, и является тем отношением или тем основанием, на котором возможно некоторое требование (или этическое требование) с позиции будущего. Обостряя, можно было бы сказать, что вера является единственно возможным отношением к будущему вообще – отношением, которое в состоянии пережить ужас, и которое альтернативно забвению.

Теперь когда мы получили описание возможного отношения к будущему, можно перейти к попытке обозначить и возможную ответственность перед ним. Можно спросит себя о том, какое требование или какой императив может предъявлять нам отсутствующее будущее, даваемое через веру.

Отвечая на этот вопрос, прежде всего следует обозначить различие с классическим пониманием императива. Классический императив-предписание, произносится с позиции некоторой ценности или «силы», стоящей за ним. Он основывает собственную способность обязывать, открывая ее связь с законом или необходимостью высшего порядка, он не

предписывает что-то от своего имени. Традиционный императив переводит на язык действия или этического предписания следствия истинного положения дел. Такая концепция императива очевидно невозможна или неприемлема по отношению к будущему или событию: событие по определению не является «уже-данным», наличным; событие совершает неизвестное бытие и не обладает никакими свойствами, которые могли бы быть развернуты в императив. Понятно, что событие (совершающееся или совершенное) может содержать некоторый императив, основанный на рождаемой социальной форме (это как раз то, что Бадью будет описывать как «верность» [1, 63-65]), однако, это не императив, предписывающий стремление к событию.

Вера представляет собой отношение к наступлению любого будущего, но нельзя это наступление будущего «оцифровать», описать рациональными критериями: будущее наступает незримо и неожиданно. Нет и не может быть формальных критериев, разумной модели, которая была бы пригодна для проективной оценки собственных действий как ведущих к событию. Невозможно рассчитать алгоритм порождения будущего, ведь самой идеей гарантии выхода в событие мы уничтожаем его возможность. Поэтому, кстати говоря, императивы типа «люби», «прощай» (или «верь») и т.п. являются абсурдными: их призыв не исполним, ведь если мы исполняем их ради исполнения их призыва, то на самом деле их предаем.

Императив веры принципиально отличается от классических императивов или от классических моральных требований. Суть этого отличия заключается в том, что его невозможно отделить от практики в качестве внешнего принципа, который бы выступал к ней в качестве цели или нуждался в имплементации. Классический моральный принцип можно понимать и разделять, но игнорировать его в момент действия. Поэтому классический императив и может быть (или по своему существу должен быть) *ought, but not is*. Императив веры, во-первых, не предписывает эталона или общей логики, с которыми можно было бы соизмерять собственные и чужие действия. Он не предполагает обоснование и оценку собственного поведения, исходя из сопоставления наличной ситуации и этического идеала или воплощения этической программы. Сама программа веры, т.е. непредсказуемое будущее не может работать в качестве программы: нельзя следовать рациональной стратегии производства события (что невозможно).

Вместо этого императив веры предполагает действие так, «как будто» возможность события присутствует, что собственно и означает верить в возможность события, несмотря на отсутствие оснований для этого. «Верить» практически означает действовать так, как будто ты веришь. «Любить» практически означает действовать так, как будто есть любовь. Быть «лояльным» практически значит действовать так, как будто ты предан. Вера, на которой

основывается возможность этического действия, позволяет действовать в повседневности так, как будто в ней постоянно присутствует возможность события и, таким образом, и оказываться в ситуации возможности события.

Вера позволяет раскрыть любую ситуацию как содержащую выход к будущему. Вера не предписывает моральное действие (прощение, любовь, верность и т.д.) в том смысле, что она не отвечает на вопрос, что "прощение лучше непощения". Но она его предписывает в том смысле, что веря бытию, индивид будет прощать, его вера реализуется в прощении, любви. Вера в каком-то смысле определяет состояние или модус существования: любить значит действовать так, будто есть любовь, а быть преданным значит действовать так, будто у ваших отношений есть будущее и т.д. Здесь действие и отношение к действию взаимно обуславливают друг друга, они возможны только одновременно.

Что мы получаем в итоге? В начале работы мы спрашивали себя о том, как можно испытывать ответственность перед будущим, которого нет, которое принципиально недоступно и внеположно и нашему опыту и нашему разумению. Мы обозначили, прежде всего, что прогноз, расчет или предсказание не может быть тем основанием, на котором можно построить отношение к этому будущему: они полностью упускают сущность будущего как будущего. Вместо этого, образ действительного отношения к будущему мы находим в понятии веры: вера представляет собой доверие к будущему, оценку самой возможности неизвестного будущего в качестве блага. Эта вера и является своеобразным императивом будущего, предписывающим практику или «обязывающим» к определенной практике. Однако, она не дает эталон для сверки своих поступков с ним, но скорее представляет собой модус существования, задает смысл и направленность действий. Ответственность перед будущим, таким образом, заключается вовсе не в реализации сценария некоторого предсказания или прогноза. Ответственность перед будущим – это попытка усмотреть во всех своих действиях открытость, через которую это будущее наступает.

Литература

1. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла СПб., Machina, 2006.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное – М., СПб.: Университетская книга, 2000.
4. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и вступления. – М., Республика, 1993.
5. Derrida J. Faith and knowledge // Derrida J., Vattimo G. Religion. Stanford: Stanford University Press, 1998